

URSZULA TROJANOWSKA
Uniwersytet Jagielloński

МЕЛКИЕ БЕСЫ. ОБРАЗЫ ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА КАНТОРА

Petty demons. Images of power in the works of Vladimir Kantor

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Владимир Кантор, современная русская литература, власть, гомо советикус

KEYWORDS: Vladimir Kantor, temporary russian literature, power, homo sovieticus

ABSTRACT: The article presents a specific image of power in the works of Vladimir Kantor. In all the analyzed texts authority is presented negatively. It is often associated with rogue structures, and its representatives fully deserve to be called Homo Sovieticus, because they are characterized by arrogance, insolence and cruelty. They are corrupt and do not hesitate to abuse their positions for their own benefit. The contemptuous attitude toward lower – ranks, and submission to superiors, are represented in the hero of the novel *The Petty Demon* by F. Sologub, and entitle us to call them this way. Kantor shows the limited power of minor officials, doctors and conductors, and also draws silhouettes of those who keep away from power – the creative intelligentsia.

Исследователи художественной прозы В. Кантора обращают внимание на чрезвычайно важное место, которое занимает в нем поиск идеи. К. Петшицка-Бохосевич пишет, что:

[...] проза автора [...] как ни одна другая за последние десятилетия, создает визию жизни вне морального кодекса и всегда глубоко трагические ее последствия, но заодно, как ни одна другая – сосредоточивается на поиске идеи, которая могла бы спасти современного человека от ничтожности бытия, страха, одиночества и муки сомнения¹ (Pietrzycka-Bohosiewicz 2007, 141).

М. Загидуллина, в свою очередь, все творчество писателя называет «попыткой выбраться из барочного лабиринта» и «обрести некую идею,

¹ Перевод – здесь и везде, где не указываю иначе – мой – У.Т.

которая станет опорой [...] и выведет из коварной трясины сомнений и неуверенности не только в себе, но во всем, что вокруг» (2004, 466)².

Она выделяет три главные идеи, повторяющиеся во всех произведениях Кантора: чистоту, европейство и философствование. Все они, конечно, связаны друг с другом. И так, оказывается например, что европейство – это и есть настоящая чистота (Загидуллина 2004, 468), а без философии не может существовать ни литература, ни сам человек, так как только она (любовь к мудрости) дает возможность самостоятельно мыслить (*Писатель и философ...* 2014, 9).

Герои художественного мира писателя ведут бесконечные беседы, создают философские труды и концепции потому, что им необходимо осмыслить свое существование на земле. По мнению Петшицкой-Бохосевич, главная художественная задача, которую Кантор ставит перед собой – это увидеть и понять современного человека через историческую призму, понять суть советской действительности, в которой пришлось жить и за которую все россияне заплатили своей идентичностью. Особенно его интересуют проблемы личностного и группового сознания, границы идентификации, а также чувство укоренения (Pietrzycka-Bohosiewicz 2007, 143). Ничего удивительного, что в такого рода рассуждениях важнейшее место занимает тема России: ее истории, пути, культуры, а также отношения к ней героев-интеллигентов.

В повести *Поезд «Кёльн – Москва»* герой – писатель Иннокентий сразу после входа в поезд, ощущает, что покинул Европу:

Уже ты на российской территории, где свои обычаи и порядки, где ты во власти мелких бесов, мелкого начальства, почти в полной власти, ограниченной какой-то призрачной преградой, которую, как ты знаешь, русскому человеку очень легко переступить (Кантор 2012 а, 277).

Именно это чувство зависимости и отвращения³ к людям «при власти» характеризует большинство героев литературных текстов Кантора. Ни в одном произведении не появляется положительный образ власти. Причину такого порядка вещей, кажется, угадал поэт и журналист С. Гогин, который замечает: «[...] два десятка лет без Советского Союза, Пересторыка

² Загидуллина исходит в своих рассуждениях из того, что сам Кантор назвал композицию романа *Крепость* «барочной».

³ Отвращение к власти принимает самую выразительную форму в сказках Кантора *Победитель крыс* и *Чур*, где она изображается в образе крыс и тараканов. Подобный прием появляется в романе *Зияющие высоты* Александра Зиновьева. Как пишет Люция Суханек, ссылаясь на Нивата: «Хоббс сравнил межчеловеческие отношения с поведением волков. Описывая человека тоталитарного строя, [...] Зиновьев [...] заменил слишком благородного волка животным, вызывающим отвращение – крысой». См.: Suchanek 1993, 187.

и рынок не поколебали сознания «человека советского», считающего себя винтиком государственной машины» (Гогин 2012).

Лев Гудков объясняет тот факт тем, что при внешних изменениях власти, ее структура осталась прежней и «[...] как и во времена расцвета коммунизма, власть не контролируется обществом... Общественный строй определяется зависимыми судами, политизированной полицией и цензурой в средствах массовой информации» (цит. по: Гогин 2012).

Кантор в своей прозе тоже подчеркивает, что не смотря на некоторые перемены, в России на самом деле все остается по-прежнему и страна стоит на месте, хотя громко убеждает, что двигается вперед. Герой рассказа *Стоп-кран* возмущается:

Но и остальные у нас тоже все имитируют, только кричат, а не делают. Кричат одно: нон стоп! Сначала – нон-стоп, пока в коммунизм не въедем. Теперь – нон-стоп, пока в цивилизованное пространство не вопремся, а там уж вместе с Европой будем двигаться. А я стоп-кран дернул. Потому что все – липа, все – вранье. Про нон-стоп я имею в виду. Все равно на месте стоим (Кантор 2003 б, 332).

Отсутствие истинного движения и развития показывает поведение Игоря Николаевича – бывшего «комсомольского функционера», нынче занятого в коммерческих структурах. Как замечает сам Игорь, единственная разница между бывшей – коммунистической и настоящей – современной жизнью, заключается во внешних условиях существования:

Людишки-то все прежние остались, только из партийных кабинетов в другие перелились. И каждый привычным своим делом занимается (Кантор 2003 б, 338) – говорит.

Гогин считает, что успех советского эксперимента связан со столетиями крепостного рабства, крестьянского общинного сознания и культом верховной власти, поддерживаемым православием (Гогин 2012). Также главный герой – типичный для Кантора персонаж – «книжный мальчик», профессорский сын – Павел, понимает роль исторического влияния на настоящее России. Он видит в самоуверенном и жестоком попутчике не только привыкшего к власти партийца, но и русского барина, наслаждающегося полной властью над своими подданными:

Вот тебе цивилизованное пространство! Все те же российские баре и их холопья, коммуняки и их обслуга... Слышал же, что они там на своих комсомольских выездных мероприятиях устраивали! Нерону не снилось!...

Меня больше всего злило, что он ее не трахнуть хотел, а унижить, поиздеваться, господином себя почувствовать. Они же привыкли себя господами чувствовать (Кантор 2003 б, 342–343).

«Они» – это без сомнения те, кому все дозволено, чего символическим свидетельством является кожаная куртка Игоря. Ведь она, с 1920-года, когда Борис Пильняк одел в нее своих героев в романе *Голый год*, функционирует как символ большевиков, т.е. власти. У Кантора кожаные куртки носят также персонажи повести *Поезд «Кёльн – Москва»* – молодые парни, преуспевающие в новой действительности. У Пильняка большевики показаны как «лучший отбор» из русской «рыхлой, корявой народности»:

[...] кожаные люди в кожаных куртках [...] – каждый в статью, кожаный красавец, каждый крепок, и кудри кольцами под фуражкой на затылок, у каждого больше всего воли в обтянутых скулах, в складках у губ, в движениях утюжных, – и дерзании. [...] не подмочишь этих лимонадом психологии, так вот поставили, так вот знаем, так вот хотим, и – баста! (Пильняк 1990).

В произведениях Кантора «кожаная куртка» остается знаменем времени. Это уже другое время и меняются провозглашаемые лозунги и понятия, но при власти точно те же сильные, спортивные, решительные и беспощадные парни. Интересно, что, как констатирует Гогин, для современных «совков» характерно «религиозное подкрашивание идеала стабильности» (Гогин 2012). В рассказе это выражено переменной атрибутики новых владык: партбилет заменяется крестиком. Игорь Николаевич рассказывает:

[...] сам [...] окрестился, к дедовской православной вере вернулся: хоть и не партийность, а вроде того. Только у нашей церкви нынче денег – кот наплакал, едва на внутренние нужды хватает. Поэтому воспитывать она, как раньше партия или комсомол, не может... (Кантор 2003 б, 336).

У кого есть деньги, у того и власть – этот банальный тезис находит в рассказах Кантора полное подтверждение. Деньги позволяют все и решают все проблемы. Собеседник путешествующего в Россию на поезде Иннокентия говорит:

Мы с вами едем в государственном поезде, законопослушные граждане, а чувствуем ли мы себя в безопасности?! Конечно же нет. Ибо не можем не знать, что проводники на самом деле преступники, что кургом жулье... И все безнаказны сейчас, потому что поняли, что правит нами не закон, а доллар, валюта. Вот реальный победитель в перестройке (Кантор 2012 а, 288–289).

Как замечает в своей последней книге С. Алексиевич, «деньги стали синонимом свободы» (2015). Поэтому, как в повести Кантора *Сто долларов*, приход к власти рассматривается уже не как миссия или служба обществу, а лишь гарантия хорошей жизни. Впрочем, кажется, что так было всегда. Л. Суханек, который исследует творчество А. Зиновьева пишет:

Власть – это не благородный долг, исполняемый в пользу народа, ее цель прежде всего: собственная выгода. Аппарат власти составляют люди, о которых известно, что они ничтожества, хотя на вид кажутся важными личностями. При выборе кандидатов на разные плосты власти обязует правило, что вместе с ростом ранга обнижается их реальная ценность – падает интеллектуальный потенциал, уровень культуры, профессионализм (Suchanek 1993, 186).

«Хочешь быть свободным, хочешь ни от кого не зависеть, хочешь делать добро – иди во власть» (Кантор 2012 в, 361) – говорит директор «неудачнику» Глебу Галахову. Он предлагает Глебу выгодное место: «Это – дача, машина, трехкомнатная квартира. Дача и машина, пока ты работаешь, пока в номенклатуре. А квартира навсегда» (Кантор 2012 в, 362) – объясняет.

Кажется, трудно отказаться от такого предложения. Однако, Глеб не принимает поста. Он, как настоящий писатель (второй тип героя Кантора: повзрослевший «книжный мальчик») живет в согласии с самим собой и знает, что структуры власти для него недоступны. У него никогда не было и не будет необходимых для этого черт характера. Даже если бы хотел, он в среде власти всегда оставался бы чужаком. Не смог бы носить кожаной куртки.

Е. Чеканов, поэт и участник Круглого стола «Писатель и власть», проведенного журналом любителей русской словесности «Парус» в 2011 году, подчеркивает, что писателей и светскую власть разделяют прежде всего их ценности. В то время, когда добивавшиеся земной власти люди совершали гнусности, подличали, предавали, воровали и губили свою душу, писатели выбрали службу духу, а не мамоне. Они почувствовали и поверили, что настоящая сила – у Слова (2015).

[...] рядом с пирамидой земной власти – параллельно ей! – возвышается совсем другое царство, имя которому – Мировая Литература. Здесь ничего не значат земные короли, генсеки и президенты, здесь другие вершины, другие пропасти. И это царство духа неколебимо стоит многие тысячи лет» – говорит Чеканов (2015).

Он считает, что те, кто широко и торжественно публикует свои сочинения, обладает членскими билетами писательских союзов, не писатели вовсе, а всего лишь «как бы писатели». Их сочинения не потрясают душу, не тревожат совесть, не заставляют верить, что дух – выше мамы (Чеканов 2015).

Глеб, хотя порой не получает зарплаты и ведет почти нищенскую жизнь, ни разу не засомневался в правильности выбора своего жизненного пути. Зато младший, успешный и богатый брат Клавдий не скупится на упреки: «Ты мог и сам все получить. Ты от предложения Фрязина тогда отказался. Хотел чистеньким и честным остаться» (Кантор 2012 в, 390).

Характерно, что власть крепко связана с бандитскими структурами и никто этого не отрицает. Сам Клавдий также делает карьеру с помощью «крыши» и не морочит себе голову понятием морали и честности (он, например, выдает за свою книгу Глеба).

В интервью польскому журналу «Одра» Кантор называет коммунизм «победой криминальных элементов над цивилизованным большинством» (*Rosja taka...* 2011, 2–3). Писатель объясняет, что их победа осуществилась под прекрасными идеями братства и равенства. А во время перестройки идеи исчезли и остались только бандиты (*Rosja taka...* 2011, 2–3).

Вышеупомянутые проводники из произведений Кантора вызывают страх пассажиров именно потому, что ходят слухи о их сговоре с бандитами, грабящими поезда. Проводники – чистое воплощение гомо советикус, которого Ю. Тишнер характеризует как человека, зависимого от работы, власти и чувства собственного достоинства (Tischner 1992, 127). Зависимость от власти состоит в том, что только она подтверждает существование гомососа. Даже самая небольшая власть над другими доставляет наслаждение и возможность убедиться в собственном значении⁴.

В повести *Поезд «Кёльн – Москва»* проводники начинают обслуживание пассажиров со сбора денег «за провоз багажа». Спорить с ними, конечно, бесполезно. В них нельзя не увидеть мелких бесов, что подчеркивают эпитеты, применяемые в характеристике проводника в рассказе *Стоп-кран*. Павел называет его «рыжей бестией», «рыжекудрым хамом», «гадиной» и описывает следующим образом:

⁴ По Тишнеру, зависимость от работы объясняется тем, что работа давала убеждение в том, что миром правит какая-то разумная сила, которая заботится о судьбе трудящегося человека. Работа была выражением плана, а план означал рациональный путь мира. Кроме того, трудовое предприятие являлось не частным, а общественным и поэтому занятый на нем человек становился частью общества, коллектива. Чувство собственного достоинства обеспечивало «хорошее» классовое происхождение.

[...] с хамской и всепонимающей улыбочкой («дескать, куда денетесь! Пока едете – от меня зависите») [...] На носу у него висели капельки пота, а из вонищей пасти пахло водкой (Кантор 2003 б, 332–333).

Власть проводников никем не отрицается. Наоборот, пассажиры стараются обеспечить себе их внимание взятками: «Ну это завсегда надо, человека подмазать, подсобить ему то есть» (Кантор 2012 а, 282). Наглость государственных чиновников достигает такой степени, что, как убеждается герой повести *Сто долларов*, про слишком малую взятку лучше даже и не говорить – хуже будет.

В рассказе *Смерть пенсионера* свою власть жестоко демонстрируют чиновники пенсионного фонда. Попасть к инспектору является большим счастьем, которе достичь удается Павлу Галахову только со второго захода. В первый раз он совершенно не знает правил этого бюрократического царства, поэтому приходит слишком поздно и не имеет шансов пройти в «важную дверь». Стоит заметить, что уже сам подход к зданию учреждения оказывается опасной задачей:

А к зданию пенсионного фонда переход и вовсе был без сфетофора. Кто перебежит, глядишь, и получит пенсию. А не сумеет, то нет ни человека, ни пенсионной проблемы (Кантор 2012 б, 406).

Чтобы подать документы на оформление пенсии, старику надо стоять в очереди на улице с пяти утра, а потом долго сидеть на лавочке перед дверью, выдерживать бесконечную толкотню и непрекращающуюся склоку. Неудивительно, что до четырех, когда наконец-то Галахов входит к чиновнику, он выкуривает «несметное количество сигарет, хотя до этого не курил почти полгода» (Кантор 2012б, 407). Инспекторы имеют огромную власть над жизнью посетителей, так как от них зависит, как скоро будет оформлена пенсия. Они грубят пенсионерам как в советское время, а «улыбчивая тетка» сообщает герою:

[...] вам полагается срок дожития, вот и старайтесь его прожить [...] «Срок дожития вам определен в восемнадцать лет [...] Ну, всем пенсионерам с момента получения пенсии». «А если я вас обману и прихвачу пару годков». «Не обманете, умные люди считали. Обычно гораздо раньше умирают» (Кантор 2012 б, 406).

Такой подход к пожилым людям Кантор называет в беседе с журналистом «Новой газеты» явлением похожим на «массовое отцеубийство» (*Кажется, мы становимся...* 2015) и напоминает слова А. Пушкина, что «цивилизация начинается с уважения к предкам» (*Кажется, мы становимся...* 2015). Галахов возмущается:

Тут же выяснилось мелкое чиновничье воровство. Мало того, что не присылали все пенсионные извещения по почте, как в Америке и Европе, не посещал вас вежливый пенсионный чиновник, пенсию начисляли лишь с момента подачи заявления, а не с дня рождения! (Кантор 2012 б, 407).

Подобной, почти неограниченной, а заодно – высоко неморальной властью над судьбой человека обладают врачи из повести *Рождественская история, или записки из полумертвого дома*. Это сходство замечает также попавший в больницу писатель – Борис Кузьмин, который говорит:

[...] наша жизнь и здоровье зависит от врачей не меньше, чем от начальников и секретных органов. О том, что все мы в руке Божьей, мы давно уже не думаем, [...] привыкли в лагерях и бараках без Него обходиться, когда было ясно, *кто* Хозяин над жизнью и смертью. Зависим мы не от духа, а от власти. Врач – это тоже власть (Кантор 2003 а, 12).

Палатный врач сравнивается Кузьминым с *платным*, а последующий оттуда вывод однозначный: *платный* врач отчасти зависит от пациента, от *палатного* же больной зависит полностью. Анатолий Александрович Тать, которого больные называют «ненормальным» или «психом», прекрасно это понимает и наслаждается своей властью. Он всем тыкает, орет, грубит и унижает людей.

Страшный это был обход, будто все мы взрослые люди, мужики в возрасте, чем-то провинились перед врачом. А он распекал нас, распекал, чувствуя свою полную власть – вспоминает Борис (Кантор 2003 а, 29).

Тать считает себя верующим человеком, а в болезнях видит наказание за грехи, о чем и сообщает пациентам: «[...] ты и так знаешь, что виноват, за что тебя Бог и наказывает. Ты же бесцельный человек, только брюхо свое уважаешь!» (Кантор 2003 а, 20).

Кажется, что он убежден в сакральном характере любой, значит и своей – власти. Р. Капусцинский признание сакрального характера власти называет одним из канонов политической культуры России и указывает на факт, что до половины 19 века портреты царя висели в церквах, а большевики охотно приняли эту традицию (Kapuściński 2003, 321). Анатолий Александрович видит в себе представителя божественных сил и не сомневается в том, что у него есть право решать о жизни и смерти попавших в его палату грешников. Сам говорит:

Здесь я о больных забочусь, меня для этого Бог тут поставил. Я их на путь истинный направляю, исправляю греховные ошибки человеческого пути (Кантор 2003 а, 69).

Православие не ведет его, однако, к милосердию и настоящей службе больным, а наоборот – оправдывает, как он думает, его агрессию и жестокость. Даже собственные грехи Тать прикрывает своей «святостью», что видно в его отношении к бывшей любовнице:

Вот с Сибиллкой Анатолий Алексаныч этот в какое-то из дежурств ночных переспал, а потом сказал, что дьявол их попутал, сам к священнику ходил, Сибиллку заставил, да проку-то! Ребеночек все равно в свой срок появился. Анатолий Алексаныч своим его не признает, считает дьявольским соблазном (Кантор 2003 а, 39-40).

Второму врачу, «главному исполнителю» (Кантор 2003 а, 74–75) – Шхунаеву – удалось по-настоящему напугать Кузьмина. Шхунаев, с улыбкой садиста заявляет писателю, что пожертвует им во имя науки, а согласия на операцию у него никто и не спросит:

Вам же делают уколы от кровотечения, вот один из них будет снотворным. И вы очнетесь уже после операции – скорее всего в реанимации. Если все пройдет благополучно (Кантор 2003 а, 75).

В повести больница неоднократно сравнивается с лагерем или тюрьмой⁵. Борис считает, однако, что положение зеков лучше:

Каторжный подчиняется силе, но знает, что в худшем случае начальник будет гонять его перед строем, выдергивать среди ночи из барака, в карцер отправит, но у него, зека, есть права, которые можно отнять, только совершив должностное преступление, закон хоть немного, но зека охраняет. Больного не охраняет никто (Кантор 2003 а, 29).

Убеждения Татя также вписываются в отождествление больницы с местом лишения свободы. Медсестра объясняет поведение врача:

Он с грехом борется, вот что. [...] тот, кто себя до болезни довел, не несчастный, а грешник. Как преступник. А за грехи надо платить. [...] Значит,

⁵ В истории русской литературы действие произведения не раз помещалось в больничной палате. Не хотелось бы здесь углубляться в разнообразные интерпретации этого приема, поэтому назову лишь роман Александра Солженицына *Раковый корпус*, где больница тоже напоминает тюрьму, а проблема свободы и опрессии имеет большое значение.

нарушили какой-то Божеский или природный закон, а за это полагается наказание (Кантор 2003 а, 56–57).

Несогласие с такой постановкой проблемы приводит Бориса к философскому вопросу о смысле человеческой жизни:

Конечно, в аду – по грехам, в Мертвом доме – по вине (т.е. тоже по грехам). А здесь, в больнице, за что? Вина в появлении на свет. Раз родился, то должен помереть, приговор зачитывается сразу, но заключение пожизненное, и никто о нем не вспоминает, пока не зазвучат огненные слова, написанные на больничной стене (Кантор 2003 а, 76).

От власти палатного врача Бориса спасает высшая власть – заведующий отделением профессор, узнавший по доносу брошенной любовницы Татя о «вредительской деятельности» врачей. Ожидая разговора с профессором, Кузьмин опять чувствует себя узником: «Так и заключенные, небось, ждали у нас прихода начальника, жаловались, а потом им еще хуже приходилось...» (Кантор 2003 а, 168).

Характерно, что все больные согласны с властью врачей. Они могут возмущаться, но по-настоящему взбунтоваться в состоянии только один герой, который покидает больницу. Семен не желает ждать пока его «зарезут» – «Если не нарочно, то у припадочного все равно руки наперекосяк. Напортачит, а кто ему тут судья!» (Кантор 2003 а, 34) – говорит он.

«Не баран» (Кантор 2003 а, 38) – думает о нем с уважением главный герой, который без помощи любящей жены и друзей, а также судьбы, с большой вероятностью разделит бы участь Глеба и стал жертвой. Он сравнивает себя с покорно ожидающими гибели овцами.

Безропотное подчинение власти в России привлекло внимание французского путешественника уже в 1839 году. В своем дневнике Маркиз де Кюстин постоянно удивляется этому явлению и замечает, что «русские пьяны несвободой» и у него возникает впечатление, что они ее любят. Де Кюстин считает, что послушание в России стало «условием жизни» (de Custine 1989, 45–47). Подобные слова провозглашает в 50.-60. годы XX века В. Гроссман в повести *Все течет*, который называет русскую душу тысячелетней рабой, а «странное существо» русского развития – «развитием несвободы» (Гроссман 1989, 67–68).

В романе *Крокодил* Кантор изображает типичного гомо советикуса. Лева Помадов, как характеризует его Петшица-Бохосевич, является человеком психически незрелым, инфантильным и отчужденным. Он не умеет создать настоящей связи с окружающим его миром и другим

человеком. Трусость и лень ведут его к отказу от профессиональной карьеры, а водка становится убежищем перед ответственностью за себя и других людей, действием и движением, как некогда болезнь для Обломова (Pietrzycka-Bohosiewicz 2004, 77).

Х. Вашкелевич обращает внимание на дисгармонию между воображением героя о самом себе, и действительностью (Waszkielewicz 2006–2007, 65). Итак, например, отвратительный по внешности Лев (его неряшливость соответствует, конечно же, внутренней грязи), уверен в своей привлекательности для женщин. Считая себя «духовным аристократом», Помадов является на самом деле «порабощенным работягой» (Waszkielewicz 2006–2007, 64). Вашкелевич называет его работу «интеллектуальной проституцией» (Waszkielewicz 2006–2007, 64), так как он занимается в основном сочинением докладов, статей, а даже серьезных научных трудов для «вышестоящих товарищей» (Кантор 2002, 20). При этом Лева, хотя и ощущает себя несостоявшимся человеком (Waszkielewicz 2010, 442), видит себя как продолжителя традиции русской интеллигенции и верит (или успешно обманывает себя), что он еще создаст нечто значительное для отечественной науки и культуры. Петшицка-Бохосевич называет его интеллигентом «усыпленным в водке», который ждет, что время, без его активного действия, позволит ему оставить след в истории (Pietrzycka-Bohosiewicz 2004, 79). Его сомнительную идею калейдоскопа исследовательница справедливо считает не более, чем «псевдонаучным многословием» (Pietrzycka-Bohosiewicz 2004, 75). Ученая видит в герое Кантора уже не *лишнего*, а *ненужного* человека, поскольку его духовная дезинтеграция вытекает не из не-приспособления к требованиям эпохи, как у лишних людей 19 века, а из сверх-приспособления к ним (Pietrzycka-Bohosiewicz 2004, 75).

Тем не менее, роман *Крокодил* вписывается в ряд произведений представляющих лишнего человека (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Достоевский, Чехов) и показывает, какое влияние имеет механизм абсолютной власти даже на тех, кто, как Помадов, сознательно отказывается от карьеры и политической активности (Waszkielewicz 2006–2007, 68).

Лева преклоняется перед любой властью, а служебная зависимость оказывает на него почти магическое воздействие (Waszkielewicz 2006–2007, 57):

Как и многие русские люди этого типа, Лева испытывал по отношению к начальству двойное чувство: когда его хвалили, бывал счастлив, хотя и не показывал приятелям виду [...] зато, когда его ругали, Лева впадал в безудержный анархизм, переживая начальственное неодобрение как личную трагедию, обижаясь как ребенок... (Кантор 2002, 20).

Собственная обида (т. е. замечание начальника) заставляет героя продемонстрировать свою власть по отношению к нижестоящему человеку – глупенькой девчонке-машинистке. И он – «взрослый мужик» жестоко добывает «молоденькую девицу» (Кантор 2002, 43–44). Как пишет Вашкелевич: «пониженный понижает, жертва становится палачом» (Waszkielewicz 2006–2007, 58). Несомненный факт, что Помадова можно считать мелким бесом (по хронологии первым в галерее персонажей Кантора) замечает также Вашкелевич, которая в являющемся Леве крокодиле видит «экстериоризацию страхов и беспокойства», явление хорошо известное психологии, а также русской литературе. Исследовательница пишет, что, по мнению специалистов, Ф. Сологуб в романе *Мелкий бес* описал его очень профессионально (Waszkielewicz 2010, 442).

Несмотря на, без исключения, отрицательные образы власти в анализированных произведениях Кантора, писатель верит в будущее России и считает ее важной составляющей своей личности. Об этом свидетельствуют хотя бы завершающие повесть *Поезд «Кёльн – Москва»* слова Иннокентия, возвращающегося на родину из Европы: „Зато тут наша Родина, сынок». Это точно. Здесь и живем» (Кантор 2012 а, 329).

Также Гогин, рисующий в своем тексте пессимистическую картину современного русского общества, и убежденный в том, что «[...] «совок» жив и во многом продолжает определять жизнь посткоммунистической России» (Гогин 2012), сохраняет веру (и это подтверждают также опрошенные им эксперты) в то, что:

[...] со временем яркие черты Homo Sovieticus должны сойти на нет. «Совок» – это автоматический член «партии телевизора», но интернет-аудитория уже давно конкурирует с аудиторией «ящика». На смену поколения людей, ностальгирующих по советской системе, приходит два человеческих потока, условно либеральный и условно левый: первый – те самые «рассерженные горожане», «креативный класс», второй – молодые левые и националисты, которые ставят самостоятельные идеологические задачи, без оглядки на СССР (Гогин 2012).

Остается ждать, какие лики приобретет власть в следующих художественных произведениях писателя-философа.

Библиография

- de CUSTINE, A. M. (1989), *Listy z Rosji. Rosja w 1839 roku*. Kraków.
АЛЕКСИЕВИЧ, С., *Время second-hand. Конец красного человека*. В: [доступ 24.01.2015] <http://magazines.russ.ru/druzhba/2013/8/2a.html>
ГОГИН, С., *НОМО SOVIETICUS: жив и будет жить* (2012), В: [15.07.2015]. <http://madan.org.il/node/6602>

- ГРОССМАН, В. (1989), Все течет... . В: Октябрь. 1989/6, [доступ 15.07.2015]. <http://bookre.org/reader?file=337473>
- ЗАГИДУЛЛИНА, М. (2004), Русское барокко конца XX века (Творчество Владимира Кантора). В: Кантор, В. Крепость. Москва, 466-494.
- Кажется, мы станем нацией, Беседа философа Владимира Кантора с Леонидом Никитинским. В: [доступ 25.01.2015]. <http://2006.novayagazeta.ru/nomer/2006/02n/n02n-s23.shtml>
- КАНТОР, В. (2002), Крокодил. Москва.
- КАНТОР, В. (2003 а), Рождественская история, или записки из полумертвого дома. В: Кантор, В., Записки из полумертвого дома. Москва, 5–180.
- КАНТОР, В. (2003 б), Стоп-кран. В: Кантор В., Записки из полумертвого дома. Москва, 329–344.
- КАНТОР, В. (2012 а), Поезд «Кёльн – Москва». В: Кантор, В., Наливное яблоко. Москва, 270–329.
- КАНТОР, В. (2012 б), Смерть пенсионера. В: Кантор, В., Наливное яблоко. Москва, 399–423.
- КАНТОР, В. (2012 в), Сто долларов. В: Кантор, В., Наливное яблоко. Москва, 357–396.
- KARUŚCIŃSKI, R. (2003), Imperium. Warszawa.
- PIETRZYCKA-BOHOSIEWICZ, K. (2004), „Człowiek zbędny” czy „człowiek niepotrzebny”. Bohater powieści W. Kantora Krokodyl. B: Slavia Orientalis. T. LIII /1, 69–80.
- PIETRZYCKA-BOHOSIEWICZ, K. (2007), Poza granicami postmodernizmu. Późny debiut Władimira Kantora (cykl „autobiograficzny”). В: Gildner, A., Ochniak, M., Waszkielewicz, H. (ред.) Postmodernizm rosyjski i jego antycypacje. Kraków, 141–151.
- Пильняк, Б., Голый год (1990). В: [доступ 24.01.2015] http://www.imwerden.info/belousenko/books/Pilnyak/pilnyak_golyj_god.htm
- Писатель и философ Владимир Кантор. Интервьюю с Виктором Шендеровичем. Радио «Свобода» (26.02.2006). В: Кантор, В. (2014), Посреди времен, или Карта моей памяти. Москва / Санкт-Петербург, 7–24.
- Rosja taka, jaka jest! Z Władimirem Kantorem o Rosji i nie tylko rozmawia Wojciech Pestka. (2011), В: Odra, MMXI / 4 (509), 2–6.
- SUCHANEK, L. (1993), Aleksander Zinowiew – Denne wyżyny. Â: Suchanek, L. (red.) Emigracja i samizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej. Kraków, 181–204.
- TISCHNER, J. (1992), Etyka solidarności oraz Homo sovieticus. Kraków.
- WASZKIELEWICZ, H. (2006–2007), Degradacja bohatera (Krokodyl Władimira Kantora). В: Roczniki Humanistyczne KUL. T. LIV–LV/7, 55–70.
- WASZKIELEWICZ, H. (2010), Trifonowski tekst w literaturze rosyjskiej: Jurij Trifonow – Zamiana, Władimir Makanin – Strefa zmian, Władimir Kantor – Krokodyl. Â: Paszkiewicz, A., Tyszkowska-Kasprzak, E., Zybur, W. (ред.), Mistrzowi i Przyjacielowi. Pamięci prof. Z Barańskiego. Wrocław, 433–444.
- ЧЕКАНОВ, Е., Писатель и власть (Круглый стол). В: [доступ 24.01.2015]. <http://www.hrono.ru/proekty/parus/>

